

18+

МАРК ЗАВЕТОВ

ИНФРАСТРУКТУРА СВЯЗЕЙ

Марк Заветов

Инфраструктура связей

<https://litres.ru/74149047>

ISBN 9785007000468

Аннотация

Мост отношений не обещает праздника на том берегу. Он просто держит вес, пока ты идёшь. Эта книга — как кабельные пролёты связи между людьми. Вертикали родителей. Горизонталы братьев. Временные переправы без чувств. Цифровые мосты без запаха. Никаких «5 шагов». Только инженерная этика: честность перед чертежом. И стук в стену, который значит «я здесь».

Вторая книга трилогии.

Содержание

«ИНФРАСТРУКТУРА СВЯЗЕЙ»	5
ВВЕДЕНИЕ	6
ЧАСТЬ I. ПРОЕКТИРОВАНИЕ	10
ГЛАВА 0. Вертикальные несущие: родитель — ребёнок	10
ГЛАВА 1. Горизонтальные перемычки: братья / сёстры	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Инфраструктура связей

Марк Заветов

© Марк Заветов, 2026

ISBN 978-5-0070-0046-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«ИНФРАСТРУКТУРА СВЯЗЕЙ»

МАРК ЗАВЕТОВ

Эссе о близости и невидимых пролётах между людьми

«Однажды холодной зимой общество дикобразов сбилось в тесную кучку, чтобы согреться. Но они вскоре начали чувствовать уколы от игл друг друга, что заставило их отодвинуться. Когда же потребность в тепле вновь заставила их придвинуться, они снова испытали ту же неприятность. Метаясь таким образом из одной печальной крайности в другую, они наконец нашли умеренную дистанцию, при которой могли наиболее сносно переносить боль».

Артур Шопенгауэр, *«Parerga und Paralipomena»*

ВВЕДЕНИЕ

Связь — не антипод одиночества. Это другая ось. Как в архитектурном разрезе: можно задыхаться в комнате, где пять человек, и можно дышать ровно в пустой квартире. Я проверял. Обе оси рабочие. Просто у них разная цена деления.

Первая книга была про стены. Про то, как мы их возводим, оплачиваем, утепляем изнутри, чтобы не мёрзнуть в одиночестве. Эта — про дыры в этих стенах. Про то, куда мы смотрим, когда перестаём притворяться, что нам никто не нужен. Про щели, в которые дует чужим голосом, запахом, молчанием.

Я пишу это в понедельник. На плите греется чайник, который закипает уже в третий раз. Я отвлёкся. Смотрел на экран телефона. Там не было ничего. Ни красных точек, ни пропущенных. Пустота с точностью до пикселя. И поймал себя на мысли: я не ждал сообщения. Просто проверял, работает ли экран. Привычка. Как дышать. Как не смотреть в глаза в лифте.

Скажу сразу, чтобы вы не ждали: эта книга не про то, как «наладить отношения». И не про «пять шагов к счастливому браку». Шаги всегда ведут в чужую дверь. А я не взломщик. Я даже ключи не подбираю. Просто стою на лестничной клетке и слушаю, за какой дверью кто-то плачет, а за какой

— тишина стала слишком громкой.

Хуже того: я не верю, что связи можно «починить». Можно заклеить трещину скотчем. Можно прибить табличку «Не входить». Можно снять квартиру и забыть пароль от домофона. Но настоящий мост строится только тогда, когда ты готов пройти по нему в обе стороны. В том числе — обратно. В одиночество. А обратно идти страшнее.

Правило этой книги не 30 на 70. Иначе будет похоже на первую. Здесь будет 50 на 50. Но с важной поправкой: 50% — это диагноз, который я подсмотрел в чужих схемах. Остальные 50% — не присутствие. Это **отсутствие**. Паузы между «да» и «нет». Время, когда никто не пишет первым. Дребезг старого трансформатора, к которому привыкаешь и перестаёшь замечать.

Они с нами. Те же голоса. Но они немного изменились.

Алексей больше не считает одиночество поражением. Он считает его топливом.

Екатерина перестала ждать, что кто-то сядет напротив. Она научилась ставить вторую чашку на стол просто так — для ритуала, не для человека.

Сергей Петрович не ждёт звонка. Он стучит в стену. Это его алгоритм стыковки. И он работает.

Марк, семнадцать лет, нейроотличный. Он не читает эмоции. Он их конструирует по чертежам, которые сам же и составляет. И однажды он спросил меня: «Зачем вы строите мосты, если знаете, что по ним всё равно никто не ходит?» Я

не ответил. Потому что это был не вопрос. Это было утверждение.

У нас новый персонаж, Лиза, сестра Марка. Она как переводчик и коннектор между Марком и социумом.

Первая книга была про одиночество как пространство. Вторая — про связи как риск. Третья (если доживём) — про резонанс как ощущение. Мы не повторяемся. Мы устремляемся по спирали **вверх**. В первой книге я учился быть один. В этой я учусь не врать, когда кто-то рядом. И это сложнее. Потому что врать в одиночестве некому. А в связях — каждый раз рискуешь.

Я не дам вам инструкцию. Дам карту с пометкой «Здесь может быть опасно». И компас, который показывает не на север, а на ту самую паузу между вдохом и ответом. Если вы готовы идти без гарантий — пойдёмте. Если нет — закройте книгу и позвоните кому-нибудь. Просто так. Без причины. Я подожду.

ИНЖЕНЕРНАЯ ЗАМЕТКА 0

— *Заметьте, кому вы пишете сообщение, а потом стираете, не отправив. Это ваша резервная линия. Она не проведена, но под напряжением.*

— *Обратите внимание на звук, который вы издаёте, когда никто не слышит. Вдох. Хмыканье. Кашель в пустоту. Это не симптом. Это тест связи.*

— *Если вы читаете это и уже придумали, кому позво-*

нить после первой главы, — не откладывайте. Трубку берут не тогда, когда удобно, а когда ещё не поздно.

P.S. Я не выбросил лампочку из коридора. Она по-прежнему в ящике. Но теперь я не вкручиваю её не из лени, а из принципа. В темноте виднее, где настоящий свет.

ЧАСТЬ I. ПРОЕКТИРОВАНИЕ

ГЛАВА 0. Вертикальные несущие: родитель — ребёнок

Кабельные вводы в многоэтажном доме. Их не видно. Они спрятаны в штробах, за штукатуркой, под плинтусами. Но именно по ним течёт ток. Именно они удерживают вертикаль, когда лифт не работает, а лестница скользкая.

Родитель — ребёнок. Вертикальная несущая. Самая уязвимая перед временем. Она не проектируется и закладывается при рождении. Без расчёта на срок службы.

Заехал к матери на пару часов. Всё, что хотели обсудить, обговорили. Сидим и молчим. Мы оба знаем, что через час мне нужно уехать. Что следующая встреча — через месяц, если повезёт. Что звонки раз в неделю — ритуал, а не потребность. Но мы не обсуждали это. Вертикали не обсуждают — принимают вес. Пока есть запас прочности.

Мать поставила передо мной вазочку с вареньем. Абрикосовое. Она варит его каждое лето, хотя живёт одна и съедает две банки за год. Остальное раздаёт. Мне. Соседям. Дальним родственникам, которых я видел на фотографиях в альбоме с пожелтевшими уголками. «Зачем тебе столько?» —

спросил я однажды. Она пожала плечами: «Привыкла. Раньше семья большая была». Раньше — это когда отец был жив, а я ещё не уехал. Теперь семья — она и кастрюля. И варенье, которое никто не просит, но которое продолжает вариться.

Эта вертикаль держит дом, но деформируется первой.

Дети вырастают не в момент получения паспорта. А когда перестают звонить «просто так». Когда звонок превращается в отчёт: «всё нормально, работаю, погода хорошая». Когда «я тебя люблю» заменяется на перевод в приложении. Мы не замечаем подмены. Она происходит плавно. Как коррозия. Сначала — лёгкий налёт. Потом — потеря сечения. Потом — просадка.

Статистика не врёт: за последнее десятилетие более 30% взрослых детей в крупных городах связываются с родителями реже раза в неделю. Не из-за равнодушия. Из-за несовпадения графиков и страха увидеть, как меняется тембр голоса на другом конце провода. Мы выстраиваем барьеры из бытовых формулировок, а за ними прячем простое: нам тяжело смотреть, как их шаг становится коротким и шаркающим. Проще звонить раз в месяц и слышать бодрый тон, чем раз в неделю и замечать, что паузы стали длиннее.

«Я спроектировала кухню для большой семьи. Остров. Барные стулья. Духовка на уровне глаз. А теперь моя мама сидит в ней одна. Я приезжаю раз в месяц. Мы пьём чай. Она говорит: „У меня всё хорошо“. Я говорю: „У меня тоже“. Мы обе знаем, что это неправда. Но вертикаль не терпит

ремонта на живую. Только после излома».

— Екатерина, 42 года. (Архив наблюдений, 2021—2024)

Отношения асимметричны. Родитель вкладывает, ребёнок принимает. Так задумано природой и культурой. Но в какой-то момент вектор меняется. Ребёнок становится взрослым. Родитель — пожилым. И вертикаль начинает больше работать на обратную тягу.

Сергей Петрович звонит дочери раз в неделю. Она отвечает через раз. Он не обижается. Понимает: у неё работа, семья, ипотека, дети, которым нужны кружки и репетиторы. Он сам таким был. Теперь он на другом конце. И впервые понимает, каково это — ждать сигнала, который не обязателен. Но нужен.

Обратная тяга — это когда ты вдруг осознаёшь, что стал опорой своим родителям. Что теперь ты спрашиваешь: «Ты поел?», «Давление мерил?», «Почему не вызвал врача?». И они сопротивляются. Потому что привыкли быть несущими. Потому что не хотят быть дополнительным давлением. И ты злишься. На них — за упрямство. На себя — за злость. На систему — за то, что не предусмотрела переходный узел.

«Я могу починить любой электродвигатель. Но не могу заставить телефон звонить голосом дочери. Дочь говорит: „Пап, я перезвоню“. И не перезванивает. Я не сержусь. Смотрю на экран и думаю: может, это я дал трещину? Может, во мне что-то замкнуло, раз сигнал идёт только в одну сторону?»

— Сергей Петрович, 67 лет. (Запись с диктофона, октябрь 2023)

Статистика утверждает: после шестидесяти лет частота контактов родителей с детьми снижается даже при отсутствии конфликтов. Причина не в отчуждении, а в перераспределении ресурсов. Дети строят свои вертикали. Энергия уходит туда. А старая остаётся на поддерживающем напряжении. Не отключена. Но и не нагружена.

Долг не исчезает, когда дети вырастают. Он перестаёт требовать отчёта. Родители не ведут бухгалтерию. Но дети ведут, включается внутренний счётчик: «надо позвонить», «съездить», «она же меня вырастила». Эта пульсирующая мысль превращается в фон. Постоянный белый шум, который не выключить.

Лиза не живёт с родителями. Но каждые выходные ездит к ним, так как есть понятие «надо». Брат Марк не ездит — ему сложно. Родители понимают. Лиза — нет. Она злится. На Марка, что он «отмазался». На себя, что не может. На родителей, что они не просят, но ждут. За три года она научилась не приезжать в субботу, если чувствует, что привезёт только раздражение. Она звонит. Иногда просто сидит в приложении, пока мать моет посуду в кадре. Это компромисс с реальностью.

«Я приезжала каждую субботу. Мы сидели на кухне. Мама жаловалась на соседей. Папа смотрел новости. Я смотрела в телефон. Мы все в одной комнате. Но каждый — на

своём этаже. Я не знала, зачем я приезжаю. Наверное, чтобы вертикаль не рухнула. Потом я поняла: она уже не рухнет. Она слегка наклонилась. И я перестала бояться этого наклона».

— Лиза, 21 год. (Сообщение в Telegram, март 2024)

Долг перед родителями — одна из немногих валют, не подверженных инфляции. Ты можешь заработать, купить им квартиру, нанять помощницу. Но внутренний счётчик не отключить. Потому что он встроен в базовый код. В тот самый слой, который загружается раньше, чем ты научился говорить «нет».

Молчание как форма присутствия

Вертикали не всегда говорят. Часто они просто рядом. Родитель, который сидит в соседней комнате, пока ребёнок делает уроки. Взрослый сын, который меняет кран и уходит, не сказав ни слова. Это не холодность. Язык присутствия без требования обратной связи.

Но у этого правила обмена молчанием есть предел. Когда действия заканчиваются, остаётся тишина. И если не научиться её выдерживать, она становится стеной.

Марк не умеет говорить с родителями. Он не считывает интонации, не понимает, когда ждут ответа, а когда просто «побудь рядом». Он пытался по чек-листу. Но инструкции для вертикалей нет. Пришлось изобретать свою. За три года он сократил список тем до трёх. И добавил паузу.

«Я звоню маме раз в неделю. Пункт первый: „Спросить,

как дела“. Пункт второй: „Рассказать, что ел“. Пункт третий: помолчать. Раньше я боялся тишины. Думал, что она означает ошибку. Теперь я знаю: тишина — это не сбой. Это вес распределён равномерно. Мама говорит, что я стал спокойнее. Она не знает, что я перестал бороться с паузами».

— Марк, 17 лет. (*Голосовое сообщение, февраль 2024*)

Парадокс вертикалей: они устойчивы даже на искусственном питании. Даже если ты звонишь по расписанию, даже если говоришь заученные фразы, даже если молчишь — связь есть. Она не требует искренности, но требует регулярности. Как полив. Неважно, с любовью ты льёшь воду или по привычке. Главное — не пересушить.

Наследственные контракты: что мы подписываем, не читая

Когда рождается ребёнок, никто не подписывает договор. Но он есть, негласный. Передающийся из поколения в поколение. «Ты будешь заботиться обо мне». «Ты продолжишь». «Ты станешь тем, кем я не смог». Мы не выбираем эти пункты. Мы получаем их вместе с фамилией, группой крови, привычкой ставить чашку на край стола.

Екатерина получила в наследство не только квартиру, но и мамину привычку терпеть. Не жаловаться. Тянуть ляжку. Улыбаться, когда хочется плакать. Она ненавидит это в себе. Но продолжает. Потому что контракт не расторгнуть в одностороннем порядке. Только если разорвать. А разорвать —

значит потерять последнее, что связывает с мамой.

«Мама никогда не говорила „я тебя люблю“. Она говорила „надень шапку“, „поешь“, „не сиди на сквозняке“. Я бесилась. Думала, она меня не понимает. А теперь я говорю то же самое своим детям. И они бесятся. И я понимаю маму. Слишком поздно. Но понимаю. Это и есть наследство. Не квартира. Не сервис. Вот эти фразы. „Я позвоню“. Контракт, который мы все подписываем, не читая».

— Екатерина, 42 года. (Интервью, ноябрь 2022)

Наследственный контракт часто включает пункт о молчании. О том, что некоторые темы нельзя обсуждать. Стыдно. Больно. «Не при детях». И мы вырастаем, не зная, почему отец пил, почему мама плакала по ночам, почему бабушка не разговаривала с дедушкой. Мы несём эту конструкцию дальше. Передаём своим детям. Как фамильную вещь, которую нельзя носить, но нельзя и выбросить.

Смена ролей после сорока: когда ты становишься старшим

Есть момент, когда вертикаль переворачивается. Постепенно. Сначала ты замечаешь, что мама забывает выключить свет. Потом — что не может открыть банку. Потом — что ждёт твоего решения, а не даёт своё. Ты становишься опорой. А она — принимающей стороной. И это самое трудное. Потому что тебя не учили быть родителем своим родителям. Никто не даёт инструкцию к этому переходу.

Сергей Петрович прошёл через это, когда жена заболела.

Он вдруг стал тем, кто решает. Кто договаривается с врачами. Кто покупает лекарства. Кто держит за руку и говорит: «Всё будет хорошо». Хотя сам не верит. Но говорит. Потому что теперь он — несущая стена. И не имеет права дать трещину.

«Жена болела два года. Я научился варить суп. Менять постель. Делать уколы. Я не жаловался. Кому? Дочь далеко. Друзья... у друзей свои нагрузки. Я стал сиделкой, поваром, мужем. Мужем, который берёт её руку в свою, когда она плачет от боли. Я не герой. Я просто не мог иначе. Потому что, когда вертикаль качается, кто-то должен стать анкером. Даже если сам еле держится».

— Сергей Петрович, 67 лет. (Запись, январь 2021)

Смена ролей — это не только уход. Это ещё и принятие того, что родители больше не всесильны. Что они ошибаются и могут быть уязвимы. И что ты не можешь их защитить. От старости и болезней. От времени. Ты можешь только быть рядом. И это самое трудное — быть рядом, зная, что ничего не изменишь.

Уход как техобслуживание без гарантий

Родители уходят. Не только из жизни — из активной роли. Перестают быть «старшими». Они становятся пожилыми людьми, которым нужна помощь. Это слом вертикали. Дети становятся родителями. Родители — детьми. Вектор меняется. И часто происходит короткое замыкание.

Екатерина ухаживает за матерью. Мать сопротивляется.

Не хочет быть обузой. Не хочет признавать, что не справляется. Екатерина устаёт. Злится. Потом плачет в ванной, чтобы мать не слышала. Потому что вертикаль не терпит слёз. Она должна сдерживаться.

«Я меняю маме постель. Она говорит: „Я сама“. Я говорю: „Тебе тяжело“. Она молчит. Я молчит. Мы обе знаем, что она не справится. Но мы продолжаем этот танец. Танец двух женщин, которые не умеют просить. Одна — потому что привыкла быть сильной. Вторая — потому что научилась у первой. Я перестала ждать, что она скажет „спасибо“. Я делаю. И в этом — наше согласие».

— Екатерина, 42 года. (Письмо, август 2023)

Уход — это не только физическая смерть. Это ещё и уход из твоей жизни. Когда они перестают звонить первыми. Когда они перестают спрашивать, как дела. И вздыхать, что ты прихватил насморк. Когда они сидят и смотрят в окно, а ты не знаешь, о чём говорить. И ты чувствуешь вину. За то, что не звонишь чаще. За то, что не можешь вернуть время. За то, что живёшь своей жизнью, пока они доживают свою.

Вертикаль не ломается в один момент. Она наклоняется постепенно. Сначала ты перестаёшь спрашивать совета и делиться проблемами. Потом — звонить по выходным. Находишь причины не приезжать на праздники. Потом ночью ты стоишь у прощания и думаешь: «Почему я не звонил, как она спала в ту ночь? Почему не сказал, что люблю, когда она могла ответить?»

Я не хочу вас пугать. Я фиксирую. Вертикаль — единственная связь, которая гарантированно завершится. Время необратимо. Вопрос не в том, чтобы успеть всё сказать. Вопрос в том, чтобы не врать себе, что «ещё успею».

Я сижу на кухне у матери. Она наливает чай. Я смотрю на её руки. Они стали старше. Морщины, пигментные пятна, чуть дрожат, когда она поднимает чашку. Я замечаю это впервые. Или не впервые, но впервые не отвожу взгляд. Она ловит мой взгляд. Улыбается: «Что, постарела?» Я мотаю головой. «Нет, — говорю, — чай вкусный». Она кивает. Мы пьём чай. Молчим. И в этом молчании — всё, что мы не сказали за тридцать лет. И всё, что уже не скажем. Но оно есть. Оно держит. Как кабель в стене. Невидимый. Но под напряжением.

ИНЖЕНЕРНАЯ ЗАМЕТКА 1

— Отметьте, когда вы звоните родителям «по делу», а когда — просто чтобы услышать дыхание. Разница — в нагрузке на узел.

— Попробуйте один раз не дать совет, а сказать: «Я рядом. Даже если ничего не понимаю».

— Вертикаль не требует героизма. Она требует регулярности. Не перепрыгивайте через этапы. Идите по лестнице.

Мы не хотим признавать, что любовь взрослых детей к родителям часто похожа на обслуживание долга. Но если это долг, то без процентов и без права досрочного пога-

шения. Просто регулярные платежи. Звонками. Визитами. Чувством вины, которое никуда не девается, даже когда их уже нет. Я не призываю объявлять дефолт. Просто предлагаю перестать называть это «священным долгом». Это просто связь. Которая однажды оборвётся. И тогда платить будет некому.

ИНТЕРЛЮДИЯ ПЕРВАЯ

Звонок, на который не берут трубку.

Телефон вибрирует. На экране — «Мама». Вы смотрите на него. Палец замирает над зелёной кнопкой. Вы не берёте. Не готовы. Потому что у вас нет сил на «как дела». Потому что, если вы возьмёте, придётся врать, что всё хорошо. Или говорить правду. А правда — это час объяснений. Час, которого у вас нет.

Телефон замолкает. Вы выдыхаете. Чувствуете облегчение. И вину. Облегчение от того, что не пришлось говорить. Вину от того, что облегчение сильнее.

Через минуту приходит сообщение: «Мне хотелось услышать твой голос. Позвони, когда сможешь».

Вы не звоните. Ни в этот день. Ни в следующий. А потом звоните сами. Мама берёт трубку после первого гудка. Голос у неё счастливый. Вы говорите пять минут. Кладёте трубку. И понимаете: она ждала. Всё это время ждала. А вы не дали ей даже пяти минут.

Это не жестокость. Это несинхронизированные графи-

ки. Если не подняли трубку, это не отказ. Это чужое время.

ГЛАВА 1. Горизонтальные перемычки: братья / сёстры

Распределительные щиты в подъезде. Один ввод на всех. Но у каждой квартиры свой счётчик. Своя нагрузка. Своё право отключиться, не спрашивая соседей.

Братья и сёстры — горизонтальные перемычки. Общий фундамент. Разные этажи. Мы не выбираем их. Нас просто ставят рядом. И говорят: «Это твой брат. Это твоя сестра. Берегите друг друга». Как будто близость — это коммунальная услуга, которую подают по умолчанию.

Горизонталь не просит разрешения на давление. Она просто принимает его. Или отклоняет.

Лиза и Марк. Сестра и брат. Нейротипичная и нейроотличный. Она — переводчик. Он — тот, кого переводят. Их связь не про «мы дружим». Она про «я объясню тебе мир, даже если сама его не понимаю». За три года Лиза перестала переводить всё подряд. Оставила только то, что действительно требует расшифровки. Остальное — дала Марку право на собственную интерпретацию. Он не стал «нормальнее». Но стал увереннее в своих паузах.

«Марк спросил, почему люди улыбаются, когда им грустно. Я сказала: „Потому что не хотят, чтобы другие заметили“. Он записал это в блокнот. Серьёзно. У него есть блокнот „Человеческие странности“. Я там — консуль-

тант. Раньше мне казалось, что я перевожу только для него. Теперь понимаю: объясняя ему, я учусь переводить для себя. И иногда перестаю. Это разделение давления».

— Лиза, 21 год.

Горизонтальные связи — единственные, которые не требуют взаимности. Ты можешь не любить брата. Можешь не общаться с сестрой. Но ты не можешь сделать вид, что их нет. Они вписаны в твою биографию. В детские воспоминания. В твою фамилию.

Делить квартиру проще, чем делить детство. В детстве у нас с братом была одна комната. Мы делили не только квадратные метры. Мы делили воздух. Родительское внимание. Право быть «заметнее». Я не помню, когда началась конкуренция. Кажется, она была всегда. Как фон. Как гул холодильника.

Брат был старше. Ему доставалось больше ответственности. Мне — больше свободы. Его наказывали, если я плакал. Потому что старший. Он злился. Я не понимал. Мы не говорили об этом. Горизонталы редко говорят. Они действуют. Толкают. Отбирают. Закрывают дверь. Игнорируют за столом.

А потом мы выросли. Разъехались. И вдруг оказалось, что конкурировать больше не за что. Родители состарились. Квартира осталась им. А нам осталась только память о том, как мы сидели в одной комнате и мечтали, чтобы у каждого была своя.

Когда мы вырастаем, общение взрослых братьев и сестёр становится редким. Некоторые не общаются вообще. Причины разные. Кто-то не поделил наследство. Кто-то просто разъехался и перестал находить темы. Кто-то устал от старых ролей: «ты старший — уступи», «ты младшая — не лезь». Горизонталь ржавеет без использования. Как водопровод в заброшенном доме.

Сергей Петрович не общается с братом уже пятнадцать лет. Не из-за ссоры. Просто разошлись. Один остался в родном городе. Второй уехал. Сначала звонили раз в месяц. Потом — на дни рождения. Потом — только когда кто-то умирал. А потом и смерть перестала быть поводом.

«У меня есть брат. Я знаю, что он жив. Он знает, что жив я. Мы не разговаривали с похорон матери. Причина не в том, что поссорились. Просто на поминках сказали друг другу: „Держись“. И разошлись. Он уехал в свой город. Я остался. Иногда я думаю: может, позвонить? Но о чём говорить? О погоде? О здоровье? Мы не знаем друг друга. Мы знаем только того мальчика, с которым делили комнату в коммуналке. А того мальчика давно нет. Но если он позовёт — я поеду. Фундамент один».

— Сергей Петрович, 67 лет.

Ревность как перегрузка цепи

Горизонтали часто коротят. Ревность. Обида. Чувство, что тебя недолюбили. Что брату купили велосипед, а тебе — нет. Что сестре разрешили гулять дольше. Что мама чаще

звонит ему, а не тебе.

Это не проходит с возрастом. Просто закапывается глубже. Взрослые не говорят о детских обидах, но помнят. И когда встаёт вопрос — кто будет ухаживать за родителями, кто получит дачу, кто оплатит прощание — детские обиды всплывают. Как пробки в старом щитке. Выбивает всю сеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.